

Парижская коммуна

Вольтарина де Клер

Парижская коммуна, как и другие впечатляющие события в истории человечества, стала предметом многих легенд, как среди ее врагов, так и среди друзей. Действительно, часто приходится задаваться вопросом, что было настоящей Коммуной, легенда или факт, — то, что было на самом деле, или представление о ней, сформировавшееся в мировом сознании за те сорок с лишним лет, которые прошли с 18 марта 1871 года.

Так обстоит дело с доктринами, так обстоит дело с личностями, так обстоит дело с событиями.

Что является истинным христианством, простая доктрина, приписываемая Христу, или практическая проповедь и реализация организованного христианства? Кто такой настоящий Авраам Линкольн — умный политик, освободивший рабов в качестве политического акта, или легендарный апостол человеческой свободы, который возвышается подобно гигантской фигуре иконоборческой справедливости, сокрушающей старые обиды и получающей за это мученический венец?

Что такое настоящая Коммуна — то, что было, или то, чем ее нарисовали наши ораторы? Какая сила будет оказывать влияние в грядущие дни? Наши почитатели Коммуны имеют обыкновение говорить - и, несомненно, они верят в это, - что провозглашение Коммуны было спонтанным утверждением независимости парижскими массами, осознавшими тот факт, что национальное правительство Франции самым возмутительным образом обошлось с ними в вопросе обороны от прусской армии. Они полагают, что фарс ситуации, в которой оказался город, открыл глаза населению в целом на тот факт, что национальное правительство, столь далекое от того, чтобы служить предполагаемой главной цели правительства, а именно быть средством защиты от иностранного захватчика, на самом деле было вещью настолько далекой от них и их интересов, что предпочло оставить их на милость пруссаков, нежели подвергать опасности свое собственное превосходство, помогая им защищаться или позволяя им защищать себя самим.

К сожалению, эта легендарная фигура Пробужденного Парижа не является настоящей. Коммуна, на самом деле, не была делом рук всего парижского народа или большинства населения Парижа. Коммуна действительно была основана сравнительно небольшим числом способных, более того, блестящих и в высшей степени преданных делу мужчин и женщин из всех слоев общества, но с относительно высо-

ким процентом военных, инженеров и политических журналистов, некоторые из которых ранее неоднократно попадали в тюрьму за подстрекательские статьи или акты восстания. Они стекались сюда из своего изгнания в соседних странах, думая, что теперь увидели возможность исправить прежние ошибки и побудить народ возобновить и расширить борьбу 1848 года. Это правда, что там были также учителя, художники, дизайнеры, архитекторы и строители, искусные мастера всех мастей. И, пожалуй, ни одна глава во всей истории не является более вдохновляющей, чем описание собраний рабочих, которые проходили ночь за ночью в каждом квартале осажденного города перед 18 марта и после него. На такие собрания ходили те, кто горел пылкой верой в то, что люди могут и чего добьются, и с сияющим видением нового социального дня, сияющим в их глазах, старались донести это до тех, кто слушал. Кто-то почти улавливает благоухание вспыхивающей веры, этот подъем сока надежды, мужества и дерзости, подобный аромату весны; почти ощущает себя там, участвующим в работе, опасности, великолепной, ошибочной уверенности, которая была у тех людей.

И все же истина, должно быть, заключалась в том, что эти апостолы Коммуны были ослеплены собственным энтузиазмом, оглушены энтузиазмом, который они вызывали в других, не замечая того факта, что огромное молчаливое большинство, которое не посещало общественные собрания, сидело в своих домах или хранило молчание в магазинах, не было обращено или подвержено влиянию их учений.

Те, кому следовало бы знать, сами выжившие из числа коммунаров, говорят нам, что фактическое число людей, проявлявших агрессивный, подвижнический дух во время великого восстания, было ненамного больше 2000. Основная масса людей была, как, вероятно, и была бы в этом городе сегодня при подобных обстоятельствах, безразлична к тому, что происходило у них над головами, лишь бы мир и спокойствие в их личной жизни были восстановлены, осада пруссаков снята, а им самим позволено уйти в их дела. Если Коммуна сможет это гарантировать, то удачи ей! Они устали от осады и тосковали по своим старым привычным несчастьям, к которым они в некотором отношении привыкли; вряд ли они мечтали о чем-то лучшем.

Но, как это обычно бывает, когда возникают стратегические моменты, те же самые простые, флегматичные, безразличные люди, которые не знают и не заботятся о тонких теориях политического права, муниципального суверенитета и так далее, видят логику ситуации более непосредственно, чем те, кто запутал свой разум большим количеством теоретизирования. Точно так же жители Парижа в целом, когда Коммуна стала установленным фактом, увидели, что единственным возможным выходом было бы начать войну как экономическую, так и политическую, чтобы отрезать любой источник снабжения национальной армии, который находился в пределах города. Вместо этого правительство Коммуны, стремясь показать себя более законопослушным, чем старый режим, тупо защищало право собственности своих врагов и продолжало позволять Банку Франции поставлять товары тем, кто финансировал версальскую армию, ту самую армию, которая должна была перерезать им глотки.

Естественно, простые люди чувствовали отвращение к столь бессмысленной программе и в основном не принимали участия в финальной схватке с версальскими войсками и даже не возражали против их вступления в город. Вероятно, немалое число людей даже вздохнули с облегчением при мысли о перспективе возвращения

к меньшему из двух зол. Они и не предполагали, что путь назад лежит через их собственную кровь, и что они, которые никогда не поднимали руку или голос за Коммуну, станут ее мучениками. Вряд ли они представляли себе дикую месть Закона и порядка Мятужникам, сатурналии восстановленной власти.

Интересно, спали ли они в ночь перед 20 мая, когда собирался разразиться этот мрачный гром возмездия? Многие хорошо спали следующей ночью и спят до сих пор, ибо «тогда началось убийство, мрачное и великое», — убийство, нарисованный образ которого, даже по прошествии этих сорока лет, встает и захватывает, заставляет кровь пульсировать, а зубы — сжиматься от предельных ужаса и ненависти. Мак-Магон расклеил на улицах плакаты с призывом к миру и послал свои войска, чтобы добиться этого; во имя этого мира Галифе, это воплощение ада, подал своим людям пример и разъезжал взад и вперед по улицам Парижа, вышибая мозги детям. Стоило руке появиться у ставни, как окно было изрешечивалось пулями. Стоило крику протеста вырваться из чьего-либо горла, как в дом вторгались, его обитателей выгоняли, выстраивали вдоль стен и расстреливали на месте. Врачи и медсестры, дежурившие у кроватей раненых, тяжелобольные в госпиталях, сами были убиты там, где лежали. Таков был мир Мак-Магона.

После уличных погромов, организованной резни на бастионах, кольях Сатори, сбившихся в кучу заключенных, мрачного визитера с фонарем, жуткого призыва встать и следовать за ним, траншей, вырытых приговоренными в скользкой, пропитанной кровью земле, куда падали их собственные трупы. Убито тридцать тысяч человек! Убиты безжалостной местью властей и безумной жадой крови профессионального солдата! Убиты без малейшего намека на разум, без тени расследования, просто в порыве безумной ярости!

После оргии ярости — оргия инквизиции. Сбор заключенных в подвальных ямах, где они должны сидеть на корточках или лежать на сырой земле и ежедневно видеть свет только на какие-то короткие полчаса, когда неописуемый солнечный луч пробивается сквозь какую-нибудь незакрытую щель. Перевозка их днем и ночью по всей стране, иногда в вагонах для скота, задыхающихся, голодных и сбитых в кучу, поскольку даже наша цивилизация мясников стыдится загонять свиней на убой; иногда ужасными маршами, в основном ночью; часто по ним хлестал дождь, по ним били приклады солдатских мушкетов, когда они отставали из-за слабости или хромоты.

Затем следственные изоляторы с их затянувшимися муками голода, холода, паразитов и болезней, а также постоянно нависающей тьмой ожидающей смерти. Последовали пытки друзей и родственников коммунаров или подозреваемых в причастности к ним, чтобы заставить их выдать местонахождение своих друзей.

Могли ли они, видевшие все это, «простить и забыть»? Те, кто видел, как били десятилетних детей, чтобы заставить их сказать, где их отцы? Женщины, сошедшие с ума перед ужасным выбором — отдать своих сыновей, которые воевали, или своих дочерей, которые этого не делали, на растерзание жестокой солдатни.

После пыток охоты — пытки судов, чистейшие фарсы с кошачьей жестокостью. Затем длинная безнадежная вереница изгнанников маршировала из тюрьмы в порт, теснясь на транспортных кораблях, за ними следили, как за животными в клетке, им запрещалось говорить, на них постоянно наведена пушка, и так они уплывали

прочь, в страны изгнания, на бесплодные острова и лихорадочные берега — чтобы там чахнуть в одиночестве, в бесполезности, в тщетных мечтах о свободе, которые заканчивались цепями на лодыжках или смертью на коралловых рифах — все это было милосердием и мудростью, проявленными национальным правительством к мятежному городу, чьи труды составляют славу Франции, а красота — красоту мира. Какой бы другой урок мы ни должны были усвоить, этот очевиден: безжалостная месть восстановленной Власти. Если кто-то когда-нибудь взбунтуется, пусть бунтует до конца; нет надежды более тщетной, чем надежда на справедливость или милосердие власти, против которой поднят мятеж. Нет более простой и глупой веры, чем вера в проницательность, рассудительность или мудрость правительства-завоевателя.

Мог ли в то время быть реализован основной принцип независимой коммуны или нет, благодаря общей реакции других городов Франции с аналогичными действиями (в случае, если бы Париж продолжал борьбу еще несколько месяцев), — я недостаточно историк и недостаточно исторический пророк, чтобы сказать это. Склонна думать, что нет. Но, конечно, борьба была бы гораздо иной, гораздо более плодотворной по своим результатам, как тогда, так и позже (даже если бы в конце концов потерпела поражение), если бы это действительно было движение всех тех людей, которые были так без разбора убиты за это, так подло замучены, так безжалостно сосланы. Ибо, если бы это действительно было сознательным выражением воли миллиона людей к свободе, они бы захватили все припасы, которые поставлялись врагу у их собственных ворот; они бы отказались от прав собственности, созданных той самой властью, которую они стремились свергнуть. Они бы увидели, что необходимо, и сделали бы это.

Если бы сами настоящие коммунары увидели логику своих собственных усилий и поняли, что для того, чтобы свергнуть политическую систему зависимости, которая поработывает коммуны, они должны свергнуть экономические институты, порождающие централизованное государство; если бы они провозгласили всеобщую коммунизацию городских ресурсов, они, возможно, заставили бы людей полностью поверить в борьбу и предприняли бы десятикратные усилия для победы. Если бы за этим снова последовало подобное заражение в других городах Франции (что было вполне возможно), пламя могло бы охватить всю Латинскую Европу, и эти страны могли бы сейчас подавать практический пример распространения модифицированного социализма и местной автономии. Это то, что, вероятно, произойдет при следующей подобной вспышке, если политики будут настолько неразумны, что спровоцируют подобное. Среди лучших студентов-социологов есть те, кто уверен, что таков будет курс прогресса.

Я откровенно говорю, что не вижу, по какому пути пойдет будущий прогресс, — мое видение недостаточно широко, а моя точка зрения недостаточно высока. Там, где другие, возможно, видят утренний солнечный свет, я могу различить только туман — поднимающуюся пыль и движущиеся сумерки, которые затемняют будущее. Я не знаю, куда ведет этот путь и как он проходит. Только когда я оглядываюсь назад, я могу уловить проблески того долгого, ужасного, трудного пути, по которому человечество шло вперед; даже этого я не вижу ясно — только его отрезки здесь и там. Но я вижу достаточно, чтобы понять, что это никогда не было прямой, не отклоняющейся

линией. Путь всегда петляет и возвращается, и даже в момент обретения чего-то есть что-то потерянное.

Противостоя натиску Природы, Человек собирает свою социальную силу и, таким образом, теряет свободу своего более изолированного состояния. Против неудобств первобытного общества он применяет свой изобретательский гений — обводит компасом сушу, море и воздух, — и самым актом преодоления своих ограничений налагает на себя новые оковы, создавая богатство, которым он порабощает себя сам, чтобы производить!

И это путь прогресса, который никто не мог предвидеть!

Что их ждет? И на что еще можно надеяться? И какая тут может быть помощь?

Что ждет? Неизвестное ждет, как ждало всегда, — темное, смутное, необъятное, непроницаемое — Тайна, которая манит молодых и сильных, говоря: «Приди и справишься со мной»; Тайна, от которой старые и мудрые отступают, говоря: «Лучше терпеть то зло, которое у нас есть, чем лететь к другим, о которых мы не знаем»; старые и мудрые, но увы! С холодной кровью! Тайна все еще несвязанных сил земли, солнца и глубин, утрата любой из которых может настолько изменить облик всего, что было сделано, что то, что сейчас мы считаем гарантией свободы, может стать самой цепью рабства, как это было раньше со свободами, завоеванными с таким трудом действием, а затем изложенными в словах, которым должны следовать нерожденные люди. И все же — Оно ждет.

Вы сильны и мужественны? Неизвестное приглашает вас к борьбе, побуждает вас к его преодолению. Нет, возможно, это ваша будущая любовь, ожидающая, чтобы вознаградить вашу дерзкую страсть пылом свежего творчества. Или вы слабы и робки духом? Тогда склоните голову к земле. И все же вы должны встретиться с будущим; вы все же должны идти по стопам других. Вы можете помешать им, вы можете заставить их запаздывать; вы не можете остановить ни их, ни себя.

Борьба ждет — безуспешная борьба, подавленная борьба, ошибочная борьба, долго и часто. И хуже всего, что ждет Ожидание — долгий мертвый уровень бездействия, когда никто ничего не делает, когда даже смелые могут двигаться только по замкнутому кругу; когда никто не знает, что делать, кроме как терпеть постоянно усиливающееся давление невыносимых условий, не зная ничего лучше его; когда жизнь кажется монотонным путешествием по безликой пустыне, где одно и то же безжалостное слово «Бесполезно» смотрит на тебя с каждого бесцельного пути, по которому ты пытаешься следовать в отчаянных поисках выхода. И счастливее тот, кто погибает в ошибочной борьбе, чем тот, кто с горячей и раздраженной душой, но с ясной проницательностью видит, что он обречен бесконечно подчиняться существующим несправедливостям.

На что еще можно надеяться? Что растущее давление условий может ускорить развитие интеллекта; что даже из ошибочной борьбы, борьбы, принесшей разочарование, могут вытекать непредвиденные хорошие последствия, точно так же, как из неоспоримых улучшений в материальной жизни вытекают непредвиденные плохие результаты.

Коммуна надеялась освободить Париж и, подав таким образом пример, освободить многие другие города. Она потерпела полное поражение, и ни один город не был освобожден таким образом. Но после этого поражения знания и навыки мастер-

ства ее народа распространились по другим землям, как в цивилизованные центры, так и в дикие пустоши; и куда бы ни шло ее искусство, туда же шла и ее идея, так что «Коммуна», идеализированная коммуна стала лозунгом мастерских по всему миру, везде, где есть хотя бы несколько рабочих, стремящихся пробудить своих братьев.

Есть те, у кого есть определенные надежды; те, кто думает, что они точно знают, как следует избавиться от переутомления, нехватки работы, бедности и всех их последствий духовного порабощения. Таковы те, кто думает, что может видеть путь прогресса широко и ясно через щель в урне для голосования. Я боюсь, что их труды также будут иметь какие-то непредвиденные последствия, если они когда-нибудь их осуществят; я боюсь, что их узконаправленный взгляд сильно обманывает их. Восхождение на холм - это совсем другое дело, чем голосование за себя на вершине.

Неважно: Человек всегда надеется; Жизнь всегда надеется. Когда невозможно очертить определенную цель, неукротимый дух надежды все еще побуждает живую массу двигаться к чему-то - к тому, что так или иначе будет лучше.

Какая тут может быть помощь? Никакой помощи от внешней силы; никакой помощи сверху; никакой помощи с Неба, молитесь ему сколько угодно; никакой помощи от сильной руки мудрецов или хороших людей, какими бы мудрыми или добрыми они ни были. Такая помощь всегда заканчивается деспотизмом. Также пока нет помощи в отречении великодушных фанатиков, чьи усилия заканчиваются плачевным фиаско, как это произошло с Коммуной. Помощь заключается только в общей воле тех, кто выполняет работу, сказать, как, когда и где они должны это делать.

Сила урока Коммуны заключается в том, что нельзя сделать свободными людей, которые не осознали свободу; и все же на таких примерах они могут научиться осознавать ее. Это не может быть преподнесено в качестве подарка; это должно быть принято теми, кто этого хочет. Будем надеяться, что те, кто отдал бы это, купили так много своей жертвой, что коснулись невидящих глаз сомнамбулического пролетариата светом, который заставил их мечтать, по крайней мере, о пробуждении.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Вольтарина де Клер
Парижская коммуна

<https://aitrus.info/>

ru.anarchistlibraries.net